

оригинальная статья

Психодиагностика экстремистских тенденций личности в образовательной среде

Анастасия Сергеевна Эльзесер

Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, г. Владивосток; <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>

Руслан Васитович Кадыров

Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, г. Владивосток; <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

Татьяна Викторовна Капустина

Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, г. Владивосток; <https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>;
12_archetypesplus@mail.ru

Поступила в редакцию 12.07.2021. Принята после рецензирования 03.08.2021. Принята в печать 09.08.2021.

Аннотация: Настоящее исследование посвящено проблеме психодиагностики экстремистских тенденций личности в образовательной среде. На сегодняшний день проблема экстремизма является международной и приобретает все более острый характер, что обусловлено как легкостью распространения любой информации посредством современных средств коммуникации, так и разнообразием форм данного явления. Это обуславливает важность проблемы выявления индивидуально-психологических особенностей склонной к экстремизму личности для своевременного проведения комплекса мероприятий по психологической коррекции дезадаптивных черт в целях предотвращения возможных противоправных действий. Требуется разработка психодиагностический инструментарий, направленный на решение этой задачи. Поэтому цель данной работы состоит в изучении экстремистских тенденций личности в образовательной среде и описании их в контексте социально-психологической дезадаптации. Для экспресс-скрининга экстремистских тенденций среди старшеклассников применялась разработанная нами анкета, включающая следующие критерии: одиночество, признаки депрессивности, дегуманизация окружающих, декларирование превосходства, привлекательность темы насилия, антиобщественные настроения. Эмпирическое исследование проводилось в школах г. Владивосток. Выборку исследования составили 157 старшеклассников, из них у 29 были выявлены экстремистские тенденции. Также использовались личностный опросник Г. Айзенка ЕРІ, 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (форма С), шкала враждебности Кука-Медлей, методика диагностики иррациональных установок А. Эллиса и проективная методика «12 архетипов плюс» Р. В. Кадырова, Т. В. Капустиной. Для статистической обработки использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни при уровне значимости не более 0,05. Все подсчеты были выполнены с применением программы STATISTICA 10.0. Полученные результаты позволяют говорить о кризисном состоянии и социальной дезадаптации лиц, склонных к экстремизму. В качестве способов выхода из данного состояния они могут избрать радикальные, насильственные действия. Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о создании достаточно чувствительного инструмента диагностики экстремистских тенденций в контексте социально-психологической дезадаптации личности.

Ключевые слова: экстремизм, склонность к экстремизму, психодиагностика экстремизма, социально-психологическая дезадаптация, анкетирование

Цитирование: Эльзесер А. С., Капустина Т. В., Кадыров Р. В. Психодиагностика экстремистских тенденций личности в образовательной среде // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 740–749. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-740-749>

Введение

В современном обществе проблема экстремизма является актуальной ввиду многообразия его проявления, что ставит перед отечественными и зарубежными учеными большое количество научных задач в изучении причинно-следственных факторов этого феномена и его форм [1–3]. Зарубежные психологические исследования экстремизма сосредоточены на следующих областях: 1) выявление факторов радикализации как предпосылок формирования экстремистских убеждений [2; 4–10]; 2) формулирование объясняющих моделей радикализации [11–14]; 3) анализ эффективности подходов к выявлению экстремистов [15–17]

и психодиагностических средств [3]; 4) способы профилактики экстремизма [18–20]. Следует отметить, что направленность большинства исследований на изучение факторов развития и проявления экстремистских форм социальной активности обусловлена не только их высоким потенциалом для профилактики насильственного экстремизма, но и неудачей в выявлении уязвимых к экстремизму групп путем диагностирования индивидуально-психологических характеристик.

Действительно, десятилетия исследований не смогли определить профиль экстремистской личности, спектр

личностных особенностей, которыми в большинстве случаев обладал бы каждый человек, участвующий в экстремистских формах социальной активности [21]. Трудность в понимании конкретных индивидуально-психологических характеристик личности экстремиста приводит исследователей этого направления к еще одной проблеме – проблеме диагностики личности, имеющей экстремистские тенденции, поскольку до конца не ясна однозначность предмета исследования. Помимо отсутствия четкости в изучении личности экстремиста или человека, имеющего склонность к экстремизму, можно выделить еще ряд диагностических проблем в данной области.

Большинство имеющихся в современной отечественной и зарубежной психологии методов диагностики экстремизма и радикализации личности разработаны для людей, уже совершивших противоправные действия. Вопросы в таких методиках (обычно опросниках) чаще имеют прямую форму, что при отсутствии шкалы лжи искажает получаемые в ходе диагностики результаты [22–28]. Также не всегда имеется информация о психометрических параметрах, либо она является неполной и / или фрагментарной. Другие варианты методик представляют собой список критериев, опираясь на которые, квалифицированный эксперт оценивает личность с точки зрения ее намерений, способностей, возможностей вовлечения в экстремистскую среду. При этом указанные критерии далеко не всегда представляют собой индивидуально-психологические характеристики [23; 29; 30]. Важно отметить, что специалисты по безопасности во многом обосновывают эти оценки риска своими «внутренними ощущениями» или профессиональной интуицией [15; 16].

В ранее проведенном исследовании, целью которого являлась первичная проверка внутренней валидности разработанной авторами методики, направленной на выявление тенденций к экстремизму и тенденции к дезадаптивному состоянию личности, была показана связь показателей экстремистских тенденций с социально-психологической дезадаптацией личности [31].

Среди зарубежных публикаций наблюдается большое число теоретических и эмпирических работ на выборках школьников, молодежи с экстремистскими взглядами [32; 33]. Как отмечает А. Нурвикен, акценты современных исследований сместились не только на молодежный экстремизм, но и на понятие психологической уязвимости перед экстремистским влиянием [2]. Данное направление обладает широкими перспективами для практики. Так, S. Ozer и P. Bertelsen последовательно разрабатывают практико-ориентированный подход, связывающий возникновение экстремистских тенденций с недостаточностью жизненных навыков [6]. Выделяя единицы умений и задач, авторы описывают, как именно недостаточность тех или иных навыков приводит к невозможности справиться с жизненными ситуациями (задачами, трудностями), психологической

уязвимости и неудовлетворенности – факторам, ассоциируемым с экстремизмом.

Как полагает А. Нурвикен, возрастной период старших школьников сам по себе может иметь решающее значение в выяснении и понимании взаимосвязи между психологической уязвимостью и экстремизмом. Широкий разброс факторов, перечисляемых автором в связи с экстремизмом (травматический опыт, ранняя социализация, предполагаемая дискриминация, реакция на изоляцию, делинквентность), может быть диагностирован через проявления социально-психологической дезадаптации [2].

Таким образом, мы будем рассматривать выраженные экстремистские тенденции личности как одну из форм социально-психологической дезадаптации. Следует отметить, что такое определение предмета исследования позволяет изучать тенденции к экстремизму, оставаясь в проблемном поле психологии и, в частности, клинической психологии.

Цель – изучить экстремистские тенденции личности в образовательной среде и описать их в контексте социально-психологической дезадаптации.

Методы и материалы

Для экспресс-скрининга экстремистских тенденций среди старшеклассников применялась разработанная анкета, включающая следующие критерии: одиночество; признаки депрессивности; дегуманизация окружающих; декларирование превосходства; привлекательность темы насилия; антиобщественные настроения.

Эмпирическое исследование проводилось в школах г. Владивосток. Выборку исследования представили 157 старшеклассников, учащихся 9–11 классов в возрасте 16–17 лет. Средний возраст исследуемых – 16,42. 12 респондентов были отсеяны, поскольку имели критичные баллы по шкале лжи методики ЕРІ Г. Айзенка. 145 исследуемых (70 лиц мужского пола, 75 – женского) были разделены на две группы. Основную группу исследования составили 29 респондентов (13 юношей, 16 девушек), имеющих экстремистские тенденции (тенденции к дезадаптивному состоянию, значения по анкете выше нормальных). Группа сравнения – 116 старшеклассников, не имеющих данной тенденции.

В работе использовались переработанная версия авторской методики диагностики экстремистских тенденций [31], личностный опросник Г. Айзенка ЕРІ [34], 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (форма С, в адаптации А. Н. Капустиной) [35], шкала враждебности Кука-Медлей (СМНС) [36], методика диагностики иррациональных установок А. Эллиса [37] и проективная методика «12 архетипов плюс» (12А+) Р. В. Кадырова, Т. В. Капустиной [38]. Для статистической обработки использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни при уровне значимости не более 0,05. Все подсчеты были выполнены с применением программы STATISTICA 10.0.

Результаты

На первом этапе исследования выборка была разделена на две группы. Разделение основывалось на первичных результатах, полученных по анкете, путем определения среднего значения и среднего квадратичного отклонения ($M=11,84$; $\sigma=6,38$). Таким образом, в основную группу (29 человек) исследования были определены старшеклассники, у которых данные по анкете соответствовали значениям от 19 баллов. Соответственно, группа сравнения была представлена 116 респондентами, имеющими значения по анкете ниже 19 баллов. Как видим, количество исследуемых в группах значительно отличается, однако такое распределение предопределено спецификой используемого диагностического инструмента. Действительно, анкета представляет собой скрининг-метод, предназначенный выявить группу с выраженными социально-дезадаптивными чертами, поэтому полученные результаты являются закономерными.

С помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни было проведено сопоставление полученных результатов двух групп по шкалам всех используемых методик, значимые показатели представлены в таблице.

Согласно методике Р. Кеттелла, для старшеклассников, имеющих экстремистские тенденции, характерны более высокие значения по факторам М, О и Q₄, что характеризует их как более тревожных, неуверенных, углубленных в себя, интересующихся смыслом жизни, склонных к чувству вины, внутренней напряженности и имеющих избыток побуждений, не получающих разрядки. Фактор М относится

к группе факторов интеллектуальных свойств и отражает склонность к мечтательности, которая может служить компенсацией при социальной изоляции в текущем коллективе, а также позволяет сохранять приверженность ценностям значимой группы, которая у мечтательной личности может быть воображаемой либо располагаться в виртуальной среде. Склонность испытывать чувство вины при переживании неудач может приводить к обесцениванию текущих достижений и затруднять прохождение экзистенциального кризиса [39].

Сочетание факторов О и Q₄ из группы эмоциональных свойств указывает на тревогу и беспокойство, связанные с сожалением о прошлых поступках, неуверенностью в будущем в целом, трудностями в преодолении препятствий, неприятием себя – все это может приводить к депрессивным реакциям [40]. Болезненное отношение к критике в свой адрес и недоверие к позитивному отклику затрудняют установление крепких социальных связей [41]. Фиксация на негативных сторонах окружающей действительности, переживание одиночества на фоне экзистенциального кризиса (отсутствие смыслов, разочарование в собственном будущем) могут способствовать отвержению окружения, неприятию общества и его ценностей. Описанные факторы сами по себе содержат риски суицидального поведения, однако приверженность экстремистской виртуальной группе может оформить суицидальные тенденции в виде поведения, представляющего и общественную опасность. Так, одним решительным действием террорист-смертник

Табл. Статистически выявленные значимые различия (U-критерий Манна-Уитни) в основной группе и группе сравнения

Tab. Statistically significant differences (Mann-Whitney U-test) in the main group and the comparison group

Шкала	Значения суммы критерия Манна-Уитни, U	Значения верхних критических точек, Z	Уровень достоверности, p-level
16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла			
Фактор MD (неадекватность самооценки)	530,0	-2,41	0,016
Фактор С (эмоциональная стабильность)	531,0	-2,40	0,016
Фактор Н (смелость)	571,5	-2,05	0,041
Фактор М (мечтательность)	571,0	2,07	0,041
Фактор О (тревожность)	512,5	2,55	0,010
Фактор Q ₄ (внутренняя напряженность)	551,0	2,23	0,026
Шкала враждебности Кука-Медлей (СМНС)			
Цинизм	528,0	2,41	0,015
12 Архетипов плюс (Р. В. Кадыров, Т. В. Капустина)			
Архетип Сироты	539,0	2,32	0,019
Методика диагностики иррациональных установок А. Эллиса			
Катастрофизация	527,0	-2,42	0,015
Долженствование в отношении себя	419,0	-3,34	0,001
Оценочная установка	303,0	-4,32	0,001
Оценка фрустрационной толерантности	483,5	-2,79	0,004
Оценка степени рациональности мышления	243,0	-4,83	0,001

или школьный стрелок преодолевает разочарование в себе [1], зная, что приобретет авторитет (посмертный) у значимой группы.

Более высокие значения в группе сравнения по факторам MD, C, H указали на более низкие значения по этим шкалам у основной группы, что подтверждает описанные выше характеристики: излишнюю критичность по отношению к себе (MD-), эмоциональную неустойчивость, тревожность, раздражительность и нетерпеливость (C-), недовольство собой и трудности в установлении социальных контактов (H-). Описанные факторы осложняют благоприятное прохождение кризиса, а социальная изоляция приводит к значительному увеличению времени, проводимого в сети [42], снижает уровень психического и физического здоровья подростка [43].

Шкала враждебности Кука-Медлей (СМНС) показала, что в структуре личности основной группы преобладает цинизм как индивидуальная характеристика личности. Склонность к пренебрежительному и презрительному отношению к нормам морали и культурным ценностям отчасти отвечает критерию анкеты *антиобщественные настроения* и позволяет объяснить возникновение таких экстремистских проявлений, как дегуманизация окружающих и привлекательность темы насилия. Ранее мы описали кризисное состояние, в котором находится старший школьник с экстремистскими тенденциями личности. На пороге юношества и перемен, переживая одиночество и предвидя грядущие социальные требования, критерии успеха, которые кажутся недостижимыми на фоне собственной некомпетентности, личность может пойти по пути отвержения этих требований и общества в целом [44]. Это проявляется у школьника с экстремистскими тенденциями в цинизме как защитной стратегии, который выходит на первый план и становится частью самоидентификации. Провозглашение собственных антиобщественных ценностей и попытка компенсации одиночества приведут к самостоятельному поиску единомышленников – реальных или виртуальных маргинальных групп – или даже к попытке их создания.

Проективная методика «12 Архетипов плюс» показала преобладание в структуре личности старшеклассников, склонных к экстремизму, архетипа Сироты. В данном типе личности представлены характеристики, которые соотносятся с представленным нами портретом экстремиста по опроснику Р. Кеттелла: достаточно выраженная самокритичность, склонность недооценивать свои возможности, знания и способности, чувствительность, тревожность, ранимость, настроение зависит от одобрения или неодобрения со стороны окружающих, необщительность и предпочтение уединения. Безынициативность и пассивность соотносятся с неготовностью к преодолению препятствий. Однако наличествуют черты, которым требуется найти объяснение. Так, представители данного типа личности изначально ориентированы на общепринятые нормы поведения, им сложно отстоять свою точку зрения, они

легко поддаются чужому влиянию. Можно предположить, что подверженность общепринятым нормам поведения способна некоторое время маскировать экзистенциальный кризис: выработка собственного смысла жизни подменяется общепринятыми критериями успеха и планами на будущее. Однако впоследствии в связи с ощущением одиночества и собственной несостоятельности в решении настоящих и будущих проблем общепринятый путь представляется непреодолимым, наступает разочарование, нарастает потребность в защите. Восстав против общественных норм, личность с экстремистскими тенденциями может выбирать согласно своим ценностям единомышленников, а также легко воспринимать их влияние, что будет способствовать радикализации – заострению экстремистских тенденций.

Результаты по методике А. Эллиса показали наличие иррациональных установок, выраженных у основной группы и достоверно меньше представленных в группе сравнения: согласно данной методике, чем ниже значения, тем выше сила иррациональной установки. Преобладание иррациональных установок указывает на личностный кризис, переживаемый школьниками, склонными к экстремизму. Так, установка *Катастрофизация* связана с преувеличением значимости событий и готовностью придавать им негативное значение. Выраженность установки *Долженствование в отношении себя* указывает на неадекватно негативное восприятие себя как личности и высокую вероятность наличия внутрилличностного конфликта. Шкала *Оценочная установка* определяет высокую склонность к иррациональной оценке других людей: отдельный поступок или черты другого экстраполируются на восприятие его личности в целом. Наличие данной установки способно объяснить, как может происходить и поддерживаться отвержение непосредственного окружения. Низкая фрустрационная толерантность соответствует полученным данным о неготовности к преодолению препятствий, усугубляет нахождение в кризисных ситуациях и повышает психоэмоциональное напряжение. Низкие показатели по шкале *Оценка степени рациональности мышления* указывают на чрезвычайно малые возможности своими силами справиться с собственными иррациональными установками и выстроить рациональную стратегию выхода из кризиса.

Следует отметить, что не было выявлено различий по методике Г. Айзенка (шкалам экстраверсии / интроверсии и нейротизма). Отсутствие различий по шкале нейротизма указывает на то, что агрессивные и насильственные действия в случае экстремистских тенденций не должны объясняться одной импульсивностью. Вероятно, данные по методике Г. Айзенка косвенно подтверждают, что экстремистские тенденции не заложены в темпераменте, а являются отражением актуального состояния социальной дезадаптации личности.

Полученные результаты в целом позволяют объяснить механизм выхода из кризиса, при котором избирается самое радикальное, насильственное и опасное поведение,

а также указывают на то, что состоявшийся экстремист не обязательно был одурманен экстремистами-сектантами, но, вероятно, в определенный момент своей жизни сам искал возможность бросить вызов обществу через путь насилия.

Заключение

Во-первых, понятие экстремистских тенденций является достаточно размытым, и в действительности очень сложно понять, какими личностными чертами должен обладать человек, способный к противоправным экстремистским действиям. Однако изучение экстремистских тенденций в контексте социально-психологической дезадаптивности личности позволяет выявлять группу риска, т. е. тех лиц, которые в большей степени подвержены восприятию экстремистских идеологий и которых с большей вероятностью могут склонить к противоправным действиям экстремистского характера.

Во-вторых, если рассматривать склонность к экстремизму или экстремистские тенденции через призму социально-психологической дезадаптации личности, сопоставляя эти понятия с психологической уязвимостью, то следует подчеркнуть значимость и необходимость проведения подобного рода исследований с целью выявления в образовательной среде лиц, находящихся в ситуации переживания личностного кризиса, психическое состояние которых может приводить к негативным последствиям. В ходе проведения исследования был получен психологический портрет личности, являющейся психологически уязвимой, склонной отвергать общество и подверженной отвержению с его стороны. Взаимное отвержение, в свою

очередь, может провоцировать такого человека на асоциальные и антисоциальные поступки.

В-третьих, проведенное исследование показало, что примерно 20 % исследуемых являются психологически уязвимыми, имеют дезадаптивные черты, им требуется психологическая помощь и поддержка, оказание которых стабилизирует их состояние, улучшает психическое здоровье. Подобные меры способны стать самым ранним этапом профилактики экстремизма в образовательной среде.

В-четвертых, разработанная авторами настоящей статьи анкета является достаточно чувствительным скрининг-методом, позволяющим диагностировать экстремистские тенденции с позиции социально-психологической дезадаптивности личности.

Таким образом, цель настоящего исследования была достигнута, полученные результаты ставят дальнейшие задачи в направлении изучения экстремистских тенденций как проявления социально-психологических дезадаптивных личностных черт.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Правительства Приморского края, проект № 11-06-00241 «Способ диагностики экстремистских тенденций личности в образовательных учреждениях Приморского края».

Литература

1. Грачёв Ю. А., Петров И. Ю., Сагайдак А. Ю. Эмоционально-мотивационные аспекты личности террориста // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3. С. 101–104.
2. Harpviken A. N. Psychological vulnerabilities and extremism among Western youth: a literature review // Adolescent Research Review. 2020. № 5. P. 1–26. <https://doi.org/10.1007/s40894-019-00108-y>
3. Scarcella A., Page R., Furtado V. Terrorism, radicalisation, extremism, authoritarianism and fundamentalism: a systematic review of the quality and psychometric properties of assessments // PLoS ONE. 2016. Vol. 11. № 12. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0166947>
4. Harrington N. Irrational beliefs and socio-political extremism // Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy. 2013. Vol. 31. № 3. P. 167–178. <https://doi.org/10.1007/s10942-013-0168-x>
5. Kunst J. R., Obaidi M. Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation // Current Opinion in Psychology. 2020. Vol. 35. P. 55–59. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.03.010>
6. Ozer S., Bertelsen P. The moral compass and life skills in navigating radicalization processes: examining the interplay among life skills, moral disengagement, and extremism // Scandinavian Journal of Psychology. 2020. Vol. 61. № 5. P. 642–651. <https://doi.org/10.1111/sjop.12636>
7. Stankov L. Psychological processes common to social conservatism and terrorism // Personality and Individual Differences. 2018. Vol. 120. P. 75–80. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.08.029>
8. Trip S., Bora C. H., Marian M., Halmajan A., Drugas M. I. Psychological mechanisms involved in radicalization and extremism. A rational emotive behavioral conceptualization // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00437>
9. Vergani M., Iqbal M., Ilbahar E., Barton G. The three Ps of radicalization: push, pull and personal. A systematic scoping review of the scientific evidence about radicalization into violent extremism // Studies in Conflict & Terrorism. 2020. Vol. 43. № 10. P. 854–885. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1505686>

10. Webber D., Kruglanski A. W. The social psychological makings of a terrorist // *Current Opinion in Psychology*. 2018. Vol. 19. P. 131–134. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.03.024>
11. Campelo N., Oppetit A., Neau F., Cohen D., Bronsard G. Who are the European youths willing to engage in radicalisation? A multidisciplinary review of their psychological and social profiles // *European Psychiatry*. 2018. Vol. 52. P. 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2018.03.001>
12. Khalil J., Horgan J., Zeuthen M. The Attitudes-Behaviors Corrective (ABC) Model of violent extremism // *Terrorism and Political Violence*. 2019. Vol. 31. P. 1–27. <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1699793>
13. Kruglanski A. W., Fernandez J. R., Factor A. R., Szumowska E. Cognitive mechanisms in violent extremism // *Cognition*. 2019. Vol. 188. P. 116–123. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2018.11.008>
14. Jasko K., LaFree G., Kruglanski A. W. Quest for significance and violent extremism: the case of domestic radicalization // *Political Psychology*. 2017. Vol. 38. № 5. P. 815–831. <https://doi.org/10.1111/pops.12376>
15. Van de Weert A., Eijkman Q. A. M. Early detection of extremism? The local security professional on assessment of potential threats posed by youth // *Crime, Law and Social Change*. 2020. Vol. 73. № 2. P. 491–507. <https://doi.org/10.1007/s10611-019-09877-y>
16. Van de Weert A., Eijkman Q. A. M. Subjectivity in detection of radicalisation and violent extremism: a youth worker's perspective // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2019. Vol. 11. № 3. P. 191–214. <https://doi.org/10.1080/19434472.2018.1457069>
17. Stickings J., Abaida M., Nikolaishvili M., Bakrania S., Fisher A. Identifying groups vulnerable to violent extremism and reducing risks of radicalisation. London: Department for International Development, 2019. 44 p.
18. Aldahadha B. Disputing irrational beliefs among convicted terrorists and extremist beliefs // *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*. 2018. Vol. 36. № 2. P. 404–417. <https://doi.org/10.1007/s10942-018-0293-7>
19. Fiedler N., Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. Student crisis prevention in schools: The NETWorks Against School Shootings program (NETWASS) – An approach suitable for the prevention of violent extremism? // *International Journal of Developmental Science*. 2019. Vol. 13. № 3-4. P. 109–122. <https://doi.org/10.3233/DEV-190283>
20. Grossman M., Hadfield K., Jefferies Ph., Gerrand V., Ungar M. Youth resilience to violent extremism: development and validation of the BRAVE measure // *Terrorism and Political Violence*. 2020. P. 1–21. <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1705283>
21. Pisou D., Zick A., Srowig F, Roth V., Seewald K. Factors of individual radicalization into extremism, violence and terror – the German contribution in a context // *International Journal of Conflict and Violence*. 2020. Vol. 14. № 2. P. 1–12. <https://doi.org/10.4119/ijcv-3803>
22. Денисова Д. М. Шкала F как инструмент исследования авторитарного потенциала личности // *Труды СПИИРАН*. 2012. № 2. С. 228–237.
23. Egan V., Cole J., Cole B., Alison L., Alison E., Waring S., Elntib S. Can you identify violent extremists using a screening checklist and open-source intelligence alone? // *Journal of Threat Assessment and Management*. 2016. Vol. 3. № 1. P. 21–36. <https://doi.org/10.1037/tam0000058>
24. Furnham A., Horne G., Grover S. Correlates of the militant extremist mindset // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.02250>
25. McCauley C. Predictors of activism and radicalism: past activism, past radicalism and grievance against the government. 2015. 429 p.
26. Moskalenko S., McCauley C. Measuring political mobilization: the distinction between activism and radicalism // *Terrorism and Political Violence*. 2009. Vol. 21. № 2. P. 239–260. <https://doi.org/10.1080/09546550902765508>
27. Saunders B., Ngo J. The right-wing authoritarianism scale // *Encyclopedia of personality and individual differences* / eds. V. Zeigler-Hill, T. Shackelford. Berlin: Springer International Publishing, 2017. P. 1–4. https://doi.org/10.1007/978-3-319-28099-8_1262-1
28. Stankov L., Saucier G., Knežević G. Militant extremist mind-set: Proviolence, Vile World, and Divine Power // *Psychological assessment*. 2010. Vol. 22. № 1. P. 70–86. <https://doi.org/10.1037/a0016925>
29. Powis B., Randhawa-Horne K., Bishopp D. An examination of the structural properties of the Extremism Risk Guidelines (ERG22+); a structured formulation tool for extremist offenders // *Terrorism and Political Violence*. 2019. <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1598392>
30. Powis B., Randhawa-Horne K., Bishopp D. The Structural Properties of the Extremism Risk Guidelines (ERG22+): a structured formulation tool for extremist offenders. 2019. 17 p.
31. Эльзессер А. С., Мандрыкина А. В., Капустина Т. В., Кадыров Р. В. Индивидуально-психологические характеристики старшеклассников, имеющих тенденцию к экстремизму // *Человеческий капитал*. 2021. № 3. С. 193–203. <https://doi.org/10.25629/НС.2021.03.17>

32. Cherney A., Belton E., Norham S. A. B., Milts J. Understanding youth radicalisation: an analysis of Australian data // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. 2020. <https://doi.org/10.1080/19434472.2020.1819372>
33. Coid J. W., Bhui K., MacManus D., Kallis C., Bebbington P., Ullrich S. Extremism, religion and psychiatric morbidity in a population-based sample of young men // The British Journal of Psychiatry. 2016. Vol. 209. № 6. P. 491–497. <https://doi.org/10.1192/bjp.bp.116.186510>
34. Айзенк Г., Вильсон Г., Джексон К. Личностный профиль по Айзенку. Руководство. М.: Когито-центр, 1999. 53 с.
35. Капустина А. Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. СПб.: Речь, 2004. 99 с.
36. Козлов В. В., Мазиллов В. А., Фетискин Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. 2-е изд., доп. М.: Институт психотерапии и клинической психологии, 2018. 720 с.
37. Каменюкин А. Г., Ковпак Д. В. Стресс-менеджмент. 3-е изд. СПб.: Питер, 2012. 208 с.
38. Капустина Т. В. Экспресс-диагностика типов личности: проективный метод: дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2019. 229 с.
39. Селезнёва Н. Т., Рубленко Н. В., Тодышева Т. Ю. Жизнеспособность личности. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2015. 308 с.
40. Zhou J., Li X., Tian L., Huebner S.E. Longitudinal association between low self-esteem and depression in early adolescents: the role of rejection sensitivity and loneliness // Psychology and Psychotherapy: Theory Research and Practice. 2020. Vol. 93. № 1. P. 54–71.
41. Петухова Л. П., Серегина Н. В., Степченко Т. А. Чувство одиночества и внутриличностные конфликты в старшем подростковом возрасте // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-3. С. 304–307.
42. Dembińska A., Kłosowska J., Ochnik D. Ability to initiate relationships and sense of loneliness mediate the relationship between low self-esteem and excessive internet use // Current Psychology. 2020. <https://doi.org/10.1007/s12144-020-01138-9>
43. Грицина О. П., Транковская Л. В., Семанив Е. В., Лисецкая Е. А. Факторы, формирующие здоровье современных детей и подростков // Тихоокеанский медицинский журнал. 2020. № 3. С. 19–24. <https://doi.org/10.34215/1609-1175-2020-3-19-24>
44. Adam-Troian J., Tecmen A., Kaya A. Youth extremism as a response to global threats? A threat-regulation perspective on violent extremism among the youth // European Psychologist. 2021. Vol. 26. № 1. P. 15–28. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000415>

original article

Psychodiagnostics of Extremist Personality Tendencies in School Environment

Anastasia S. Elzesser

Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok; <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>

Ruslan V. Kadyrov

Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok; <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

Tatyana V. Kapustina

Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok; <https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>; 12_archetypesplus@mail.ru

Received 12 Jul 2021. Accepted after peer review 3 Aug 2021. Accepted 9 Aug 2021.

Abstract: This research featured the psychodiagnostics of extremist tendencies in school environment. Extremism is a dangerous international phenomenon that can take many forms, especially on the Internet. Students prone to extremism should be detected as soon as possible and be subjected to a proper psychological correction in order to prevent illegal actions in the future. The detection procedure requires a set of reliable psychodiagnostic tools. The present research objective was to study the extremist tendencies of students and describe them in the context of socio-psychological maladjustment. The express screening of extremist tendencies was based on an authentic questionnaire, which included the following criteria: loneliness, signs of depression, dehumanization of the other, declaration of one's own superiority, attraction to violence, and antisocial sentiment. The empirical study involved 157 high school students of Vladivostok (Russia), of whom 29 demonstrated extremist tendencies. Other techniques included G. Eysenck's EPI personality questionnaire, R. Cattell's 16-factor personality questionnaire (form C), Cook-Medley hostility scale, A. Ellis's method of diagnosing irrational attitudes, and Twelve Archetypes+ projective

method developed by R. V. Kadyrov and T. V. Kapustina. Nonparametric Mann-Whitney U-test ($\leq 0,05$) and STATISTICA 10.0 were used for statistical processing. The results obtained revealed the state of crisis and social maladjustment of students prone to extremism, who may choose radical and violent actions to cope with this state. The developed method proved to be a sensitive and reliable tool for diagnosing extremist tendencies in the context of socio-psychological maladjustment in school environment.

Keywords: extremism, inclination to extremism, psychodiagnostics of extremism, socio-psychological maladjustment, questioning

Citation: Elzesser A. S., Kapustina T. V., Kadyrov R. V. Psychodiagnostics of Extremist Personality Tendencies in School Environment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(3): 740–749. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-3-740-749>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Funding: The research was supported by the Government of the Primorye Territory, project No. 11-06-00241 "A method for diagnosing extremist personality tendencies in educational institutions of the Primorye Territory".

References

1. Grachyov Yu. A., Petrov I. Yu., Sagaidak A. Yu. Emotional-motivational aspects of the individual terrorist. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, (3): 101–104. (In Russ.)
2. Harpviken A. N. Psychological vulnerabilities and extremism among Western youth: a literature review. *Adolescent Research Review*, 2020, (5): 1–26. <https://doi.org/10.1007/s40894-019-00108-y>
3. Scarcella A., Page R., Furtado V. Terrorism, radicalisation, extremism, authoritarianism and fundamentalism: a systematic review of the quality and psychometric properties of assessments. *PLoS ONE*, 2016, 11(12). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0166947>
4. Harrington N. Irrational beliefs and socio-political extremism. *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*, 2013, 31(3): 167–178. <https://doi.org/10.1007/s10942-013-0168-x>
5. Kunst J. R., Obaidi M. Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation. *Current Opinion in Psychology*, 2020, (35): 55–59. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.03.010>
6. Ozer S., Bertelsen P. The moral compass and life skills in navigating radicalization processes: examining the interplay among life skills, moral disengagement, and extremism. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2020, 61(5): 642–651. <https://doi.org/10.1111/sjop.12636>
7. Stankov L. Psychological processes common to social conservatism and terrorism. *Personality and Individual Differences*, 2018, 120: 75–80. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.08.029>
8. Trip S., Bora C. H., Marian M., Halmajan A., Drugas M. I. Psychological mechanisms involved in radicalization and extremism. A rational emotive behavioral conceptualization. *Frontiers in Psychology*, 2019, 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00437>
9. Vergani M., Iqbal M., Ilbahar E., Barton G. The three Ps of radicalization: push, pull and personal. A systematic scoping review of the scientific evidence about radicalization into violent extremism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2020, 43(10): 854–885. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1505686>
10. Webber D., Kruglanski A. W. The social psychological makings of a terrorist. *Current Opinion in Psychology*, 2018, 19: 131–134. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.03.024>
11. Campelo N., Oppetit A., Neau F., Cohen D., Bronsard G. Who are the European youths willing to engage in radicalisation? A multidisciplinary review of their psychological and social profiles. *European Psychiatry*, 2018, 52: 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2018.03.001>
12. Khalil J., Horgan J., Zeuthen M. The Attitudes-Behaviors Corrective (ABC) Model of violent extremism. *Terrorism and Political Violence*, 2019, 31: 1–27. <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1699793>
13. Kruglanski A. W., Fernandez J. R., Factor A. R., Szumowska E. Cognitive mechanisms in violent extremism. *Cognition*, 2019, 188: 116–123. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2018.11.008>
14. Jasko K., LaFree G., Kruglanski A. W. Quest for significance and violent extremism: the case of domestic radicalization. *Political Psychology*, 2017, 38(5): 815–831. <https://doi.org/10.1111/pops.12376>
15. Van de Weert A., Eijkman Q. A. M. Early detection of extremism? The local security professional on assessment of potential threats posed by youth. *Crime, Law and Social Change*, 2020, 73(2): 491–507. <https://doi.org/10.1007/s10611-019-09877-y>

16. Van de Weert A., Eijkman Q. A. M. Subjectivity in detection of radicalisation and violent extremism: a youth worker's perspective. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2019, 11(3): 191–214. <https://doi.org/10.1080/19434472.2018.1457069>
17. Stickings J., Abaida M., Nikolaishvili M., Bakrania S., Fisher A. *Identifying groups vulnerable to violent extremism and reducing risks of radicalisation*. London: Department for International Development, 2019, 44.
18. Aldahadha B. Disputing irrational beliefs among convicted terrorists and extremist beliefs. *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*, 2018, 36(2): 404–417. <https://doi.org/10.1007/s10942-018-0293-7>
19. Fiedler N., Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. Student crisis prevention in schools: The NETWorks Against School Shootings program (NETWASS) – An approach suitable for the prevention of violent extremism? *International Journal of Developmental Science*, 2019, 13(3-4): 109–122. <https://doi.org/10.3233/DEV-190283>
20. Grossman M., Hadfield K., Jefferies Ph., Gerrand V., Ungar M. Youth resilience to violent extremism: development and validation of the BRAVE measure. *Terrorism and Political Violence*, 2020, 1–21. <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1705283>
21. Pisou D., Zick A., Srowig F., Roth V., Seewald K. Factors of individual radicalization into extremism, violence and terror – the German contribution in a context. *International Journal of Conflict and Violence*, 2020, 14(2): 1–12. <https://doi.org/10.4119/ijcv-3803>
22. Denisova D. M. F-scale as a method of estimating of the authoritarian potential at the personality level. *Trudy SPIIRAN*, 2012, (2): 228–237. (In Russ.)
23. Egan V., Cole J., Cole B., Alison L., Alison E., Waring S., Elntib S. Can you identify violent extremists using a screening checklist and open-source intelligence alone? *Journal of Threat Assessment and Management*, 2016, 3(1): 21–36. <https://doi.org/10.1037/tam0000058>
24. Furnham A., Horne G., Grover S. Correlates of the militant extremist mindset. *Frontiers in Psychology*, 2020, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.02250>
25. McCauley C. *Predictors of activism and radicalism: past activism, past radicalism and grievance against the government*, 2015, 429.
26. Moskalenko S., McCauley C. Measuring political mobilization: the distinction between activism and radicalism. *Terrorism and Political Violence*, 2009, 21(2): 239–260. <https://doi.org/10.1080/09546550902765508>
27. Saunders B., Ngo J. The right-wing authoritarianism scale. *Encyclopedia of personality and individual differences*, eds. Zeigler-Hill V., Shackelford T. Berlin: Springer International Publishing, 2017, 1–4. https://doi.org/10.1007/978-3-319-28099-8_1262-1
28. Stankov L., Saucier G., Knežević G. Militant extremist mind-set: Proviolence, Vile World, and Divine Power. *Psychological assessment*, 2010, 22(1): 70–86. <https://doi.org/10.1037/a0016925>
29. Powis B., Randhawa-Horne K., Bishopp D. An examination of the structural properties of the Extremism Risk Guidelines (ERG22+); a structured formulation tool for extremist offenders. *Terrorism and Political Violence*, 2019. <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1598392>
30. Powis B., Randhawa-Horne K., Bishopp D. *The Structural Properties of the Extremism Risk Guidelines (ERG22+): a structured formulation tool for extremist offenders*, 2019, 17.
31. Elzesser A. S., Mandrykina L. V., Kapustina T. V., Kadyrov R. V. Individual psychological characteristics of elder graduates with a tendency to extremism. *Chelovecheskii kapital*, 2021, (3): 193–203. (In Russ.) <https://doi.org/10.25629/HC.2021.03.17>
32. Cherney A., Belton E., Norham S. A. B., Milts J. Understanding youth radicalisation: an analysis of Australian data. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2020. <https://doi.org/10.1080/19434472.2020.1819372>
33. Coid J. W., Bhui K., MacManus D., Kallis C., Bebbington P., Ullrich S. Extremism, religion and psychiatric morbidity in a population-based sample of young men. *The British Journal of Psychiatry*, 2016, 209(6): 491–497. <https://doi.org/10.1192/bjp.bp.116.186510>
34. Eysenck H., Wilson G., Jackson C. *Eysenck's personality profile. Manual*. Moscow: Kogito-tsentr, 1999, 53. (In Russ.)
35. Kapustina A. N. *Cattell's 16 Personality Factors Test*. St. Petersburg: Rech, 2004, 99. (In Russ.)
36. Kozlov V. V., Mazilov V. A., Fetiskin N. P. *Socio-psychological diagnostics of the development of personality and small groups*, 2nd ed. Moscow: Institut psikhoterapii i klinicheskoi psikhologii, 2018, 720. (In Russ.)
37. Kameniukin A. G., Kovpak D. V. *Stress management*, 3rd ed. St. Petersburg: Piter, 2012, 208. (In Russ.)
38. Kapustina T. V. *Express diagnostics of personality types: projective method*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Khabarovsk, 2019, 229. (In Russ.)
39. Selezneva N. T., Rublenko N. V., Todysheva T. Yu. *Vitality of personality*. Krasnoyarsk: KGPU im. V. P. Astafieva, 2015, 308. (In Russ.)

40. Zhou J., Li X., Tian L., Huebner S. E. Longitudinal association between low self-esteem and depression in early adolescents: the role of rejection sensitivity and loneliness. *Psychology and Psychotherapy: Theory Research and Practice*, 2020, 93(1): 54–71.
41. Petukhova L. P., Seregina N. V., Stepchenko T. A. Feelings of loneliness and intrapersonal conflicts during adolescence. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2019, 63(3): 304–307. (In Russ.)
42. Dembińska A., Kłosowska J., Ochnik D. Ability to initiate relationships and sense of loneliness mediate the relationship between low self-esteem and excessive internet use. *Current Psychology*, 2020. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0166947>
43. Gritsina O. P., Trankovskaya L. V., Semaniv E. V., Lisetskaya E. A. Factors forming the health of modern children and adolescents. *Pacific Medical Journal*, 2020, (3): 19–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.34215/1609-1175-2020-3-19-24>
44. Adam-Troian J., Tecmen A., Kaya A. Youth extremism as a response to global threats? A threat-regulation perspective on violent extremism among the youth. *European Psychologist*, 2021, 26(1): 15–28. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000415>